

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ «ЗАПРЕТ»
В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

М.А. Кулькова

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

**Speech acts representing the communicative-pragmatic frame «prohibition»
in Russian and German paremiologic texts**

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о способах представления ситуаций запрета в текстах русских и немецких народных примет. К многоуровневому анализу языкового материала предъясняется коммуникативно-прагматический подход, позволяющий продемонстрировать универсальные и специфичные черты паремиологических побудительных высказываний в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический фрейм, речевой акт запрета, семантика запрета, народные приметы.

Abstract: The article under consideration deals with peculiarities of representing of situations of prohibition in the texts of Russian and German folk superstitious believes. Multilevel analysis of the material is done through a communicative-pragmatic approach to reveal universal and specific features of paremiologic imperative utterances on the languages compared.

Key words: communicative-pragmatic frame, speech act of prohibition, semantics of prohibition, superstitious believes.

Согласно нашим представлениям, коммуникативно-прагматический фрейм, являясь одной из разновидностей концепта, формируется в виде комплексной многоуровневой структуры коммуникативного сознания, организующейся в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном обществе правилами речевого общения, нормами этикета и соответствующими ограничениями в сфере вербального и невербального поведения. При этом коммуникативное сознание отдельного представителя лингвокультурного общества «входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа» [1, 49].

Анализируя народные приметы (НП) с точки зрения семантики запрета, необходимо отметить, что их прогностическая сущность накладывает существенный отпечаток на особенностях функционирования исследуемых паремиологических текстов в речи. Это закономерным образом находит проявление в векторной направленности выражаемых иллокуций в будущее, регулируя действие, которое не совершается в момент речи¹. Отнесенность текстов НП к плану будущего является одной из характерных особенностей функционально-семантического структурирования паремий данного типа.

С точки зрения тектонической структуры запрещающие речевые акты (РА) можно подразделить на моно- и полиинтенциональные предложения, последние в свою очередь могут быть оформлены в виде аргументированных и неаргументированных высказываний. Наличие / отсутствие аргументов, объясняющих необходимость отказа от совершения конкретного действия, является в определенном смысле «индикатором» степени категоричности запрета.

Как показывает анализ практического материала, в качестве запретов могут выступать различные конструкции, эксплицитная форма которых детерминирована высокой / низкой степенью иллокутивной силы высказывания.

Наиболее высокую частотность употребления в русских текстах НП демонстрируют конструкции с использованием индикативной формы глагола в 3 л. мн. ч. и отрицания *не*: «На Вознесенье в поле *не работают*», «На Ильин день скота *не выгоняют* в поле», «На Казанскую добрые люди вдаль (в отъезд) *не ездят*», «В Рождественский сочельник *не кормят* кур, чтобы огородов не копали», «От Троицы до Успения хороводов *не водят*» и т.д.

Указанные конструкции не всегда содержат аргументационную часть, что объясняется сниженной степенью категоричности данных высказываний, не требующей их дополнительного «смягчения» в условиях соблюдения

¹ Разграничение высказываний со значением запрета производилось на основе существующей классификации А.П. Володина и В.С. Храковского (см. [2, 147-148]). См. также [3, 35].

принципа вежливости в речевом общении. Сложные, или полиинтенциональные, прохибитивные конструкции оформляются в виде сложноподчиненных предложений с придаточными цели, следствия и могут маркироваться союзами *чтоб(ы)*, *а то*: «Капусты в четверг не садят, *чтоб* черви не поточили», «В Рождественский сочельник *не кормят* кур, *чтобы* огородов не копали», «О Святках гнutoй работы не работают (обручей, полозьев и пр.), *а то* приплода скота не будет», «На Марию Магдалину в поле не работают – гроза убьет».

В качестве менее частотных средств экспликации иллокутивной силы запрета в русских текстах НП выступают конструкции «*запрещается + инфинитив*», «*не должно + инфинитив*»: «На Благовещенье *запрещается подметать* в доме и особенно *выбрасывать* мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки», «В сырую погоду и в дождь *не должно сеять ржи*; как обмочило оглобли, так и поезжай домой».

В паремиологических текстах также возможно использование субстантивно-инфинитивных и адverbативно-инфинитивных конструкций, в которых «стержневой компонент» семантической структуры запрещающего высказывания эксплицируется благодаря лексемам «*грех*», «*грешно*», выражающим «морально-этическую квалификацию действия» [4, 66]: «На Симона Зилота земля именинница: *грех пахать*», «В эту ночь (ночь под Вознесенье) *ловить соловьев большой грех* – кто поймает, тому во весь год ни в чем спорины (удачи) не будет», «Под Рождество *ткать грешно*; несчастье угодит в праздник». По мнению В.В. Виноградова, «эти сочетания слов из категории состояния с формой инфинитива выражают модальные значения, близкие к тем, которые встречаются у чисто глагольных словосочетаний» [4, 66].

Более категоричными по степени иллокутивной силы высказывания выступают запрещающие конструкции, содержащие императивные формы глагола, построенные по модели «*не + императив 2 л. ед.ч.*»: «Гороха при северном ветре *не сей*, сей при южном», «На Федоры *не мети* из избы сора»,

«До Николы *не сей* гречки, не стриги овечки», «*Не сей* хлеб, когда днем виден месяц».

Наибольшей степенью категоричности обладают РА со значением запрета, репрезентированные в текстах НП сочетаниями *не / нельзя* и инфинитивной формы глагола: «Навозу *не запахивать* в новолуние, а в последнюю четверть», «В светлый праздник огня в домах *не разводите* – будет головня в пшенице, или: не гасить с вечера», «Когда рожь цветет, *нельзя холстов белить*».

Согласно Е.А. Крашенниковой, в немецком языке инфинитив играет гораздо меньшую роль, чем в русском, «вместо него развилась система характерных для немецкого языка модальных глаголов, одночленных предложений, причастий и т.д.» [5, 460]. Так, в немецких приметах эквивалентами запрещающих конструкций «*не + инфинитив*», «*нельзя + инфинитив*» выступают сочетания «*Imperativ + kein + N₄*», «*man + Modalverb + (kein + N₄) / nicht + Infinitiv*»: «*Treibe keinen Handel bei einer Mondfinsternis, sonst suchen dich Unglück und Misserfolg heim*» – ‘Не занимайся торговлей во время лунного затмения, иначе тебя постигнут несчастье и неудача’, «*Gewürz- und Heilkräuter soll man nicht bei nassem Wetter pflücken, vor allem dann nicht, wenn man sie nicht sofort verbraucht*» – ‘Нельзя собирать пряную зелень и лекарственные травы во влажную погоду, в особенности, если они не будут сразу же употреблены’, «*Man muss nicht Fische essen in Monden ohne dem „R“*» – ‘Нельзя есть рыбу в месяцы, название которых не содержит букву «R» (т.е. разрешается есть рыбу в мае, июне, июле, августе – [Прим. автора – М.К.]’, «*Zwischen Weihnachten und dem 6. Januar darf man keine Wäsche waschen und sie schon gar nicht nachts im Freien aufhängen, denn sonst fährt sie die wilde Jagd hinein*» – ‘В период святок (с 24 декабря по 6 января) нельзя стирать белье и тем более развешивать его на улице, так как в противном случае туда может угодить охотник’, «*Vor Johannistag keine Gerste man loben tag*» – ‘До дня св. Ивана нельзя хвастаться урожаем ячменя’.

Приведенные выше примеры ярко демонстрирует широко развитую систему модальных глаголов в немецком языке (*sollen, müssen, dürfen, mögen* и т.д.), активно используемых в обобщенно-личных конструкциях с неопределенным местоимением *man*.

В нередких случаях тексты НП помимо модального квалификатора *нельзя* содержат интенсификаторы, квалифицирующие запрещающие высказывания как наиболее категоричные. Речь идет об экспликаторах *никому, ничего, ни в коем случае, ни под каким видом* и т.д., акцентирующих внимание на недопустимости совершения действия вне зависимости от складывающихся обстоятельств, повышая тем самым «процент вероятности» соблюдения данного запрета: «Когда овца оягнится, *нельзя никому ничего* из дому давать», «При высаживании капустной рассады *ни в коем случае* нельзя смеяться, потому что капустные листья станут морщинистыми и не будут гладкими», «Телят *ни под каким видом* нельзя бить лучиной, отщепленной от полена; бить теленка можно палкой, веревкой и т.п., но не лучиной: теленок будет от этого худеть и в рост не пойдет».

Аналогичные интенсификаторы запрета встречаются в немецких паремиологических текстах: «In den zwölf Nächten sollten Sie *auf keinen Fall* kochen» – ‘В святки ни в коем случае нельзя готовить пищу’, «Geburtstage sollte man *keinesfalls* im Vorhinein feiern» – ‘Ни в коем случае нельзя праздновать дни рождения заранее’, «Einem Sterbenden sollte man *niemals* ein Kissen geben, das mit Hühnerfedern gefüllt ist. Er kann sonst nicht im Frieden sterben» – ‘Никогда нельзя давать умирающему перьевую подушку, иначе он не сможет уйти с миром’.

Паремиологические конструкции с инфинитивной либо императивной формой выражения семантики запрета как наиболее «сильные» высказывания по степени иллокутивной силы и оказываемому воздействию на реципиента представлены, как правило, аргументированными полиинтенциональными РА, содержащими союзные скрепы *потому что / denn; так как, ибо / da, weil; чтоб(ы) / um zu; а то, не то, иначе / sonst,*

выражающими причинные, целевые и противительные-условные отношения. Например, в русском языке: «Нельзя спать во время Пасхальной всенощной, *потому что* Бог не даст доли: будет нанесен ущерб хозяйству, скоту, урожаю, полягут хлеба, лен, все посева, травы на покосах», «В день посева гороха нельзя его есть, *так как* он будет от того червив», «Из дому воску выносить не должно, *ибо* это приносит убыль пчеловодству», «На Акулину не работать, *чтоб* гречи хороши были», «На Фрола и Лавра не работать, *а то* падеж будет», «С пасеки маток и пчел давать нельзя, *иначе* рой не будет садиться, улетит с пасеки» и т.д.

В немецком языке: «Man darf die Spiegel nicht verschenken, *denn* das bringt Streit» – ‘Нельзя дарить зеркала, так как это приводит к ссоре’, «Hopfen darf nicht geschnitten werden, während der Mond im Tierkreiszeichen Krebs steht, *sonst* wächst er nicht weiter» – ‘Нельзя срезать хмель в то время, как луна находится в знаке рака, иначе хмель больше не уродится’ и т.д.

Анализ полиинтенциональных РА, репрезентирующих фрейм «запрет», показал, что первая часть указанных аргументационных текстов выражает запрет косвенным образом, либо напрямую, а вторая, аргументирующая, часть эксплицирует гипотетическую ситуацию неблагоприятного исхода в случае несоблюдения данного «жизненного правила».

Сценарий убеждения в рамках активизации коммуникативно-прагматического фрейма «запрещение» при условии отсутствия коммуникативных неудач можно представить в общем виде следующим образом:

1. А убежден в том, что для В определенное действие С нежелательно.
2. А не хочет, чтобы В совершил С.
3. А сообщает В: «Не делай С, а то D».
4. В принимает сообщение А и осмысливает его, «примеряя» к индивидуальной ситуации.
5. В не совершает С.

Как показал анализ практического материала, ситуации запрета наряду со множеством других частных прагматических значений побудительной модальности, актуализирующихся в ткани текстов НП, характеризуются антропоцентрической направленностью и носят бенефактивный характер. Средства выражения запрета охватывают все уровни языка, находя отражение как в лексических, так и в грамматических способах оформления семантики запрета, преломляясь под определенным углом «прагматического видения» той или иной речевой ситуации Говорящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
2. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
3. Бирюлин Л.А. Повелительные предложения: проблемы теории / Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский // Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука, СПб-ское отделение, 1992а. – С. 5-50.
4. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
5. Крашениникова Е.А. Побудительная модальность в немецком языке / Е.А. Крашениникова // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1953. – Т. XII, вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 457-469.

*Институт экономики, управления и права
(г. Казань)*

*Кулькова Мария Александровна, канд.
филол. наук, доцент кафедры перевода и
переводоведения,
msoldatowa@list.ru
тел. 89178601812*

*Institute of Economics, Management and Law
(Kazan)*

*Kul'kova Mariya Alexandrovna, candidate of
philology, associate professor of the
Translation Department,
msoldatowa@list.ru
tel. 89178601812*

Рецензент: Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета